

Последствия Августовской сессии ВАСХНИЛ для агробиологической науки на Дальнем Востоке

Е.В. ВАСИЛЬЕВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия; evasileva12@yandex.ru

В статье исследовано влияние Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. на агробиологическое направление науки на Дальнем Востоке. Непосредственному рассмотрению предшествует исторический фон, в рамках которого освещён процесс развития сети научных учреждений отраслевого, академического и вузовского профиля, обусловивший структуру научных кадров региона и их восприятие насаждавшегося лысенкоизма. Обоснованы причины, вызвавшие необходимость обращения учёных аграрного сектора отраслевой науки к идеям Т.Д. Лысенко накануне Августовской сессии, избирательное отношение к этим идеям в академическом секторе и игнорирование их — в вузовском. Представлены процессы, связанные с реализацией решений сессии (теоретическое освоение, трансляция, практическое применение) в рамках академической, отраслевой и вузовской науки региона, и специфика их протекания в каждом из секторов науки в регионе, ставшая условием достаточно быстрого преодоления лысенкоизма.

Ключевые слова: агробиология, генетика, идеологизация, мичуринская биология, лысенкоизм, научная деятельность, научная политика.

Летом 2018 г. исполнилось 70 лет после прохождения Августовской сессии Всесоюзной академии имени Ленина (сокращенно — ВАСХНИЛ). О том, что ей предшествовало, как она проходила, о её основных решениях, обернувшихся трагедией для отечественной науки в целом, а не только генетики и для ряда её учёных, у нас и за рубежом было написано достаточно много (Medvedev, 1969; Joravsky, 1970; Поповский, 1991; Александров, 1993; Медведев, 1993; Сойфер, 1993; Kremontsov, 1997; и др.), и казалось, что переоценка выводов относительно самого события и его последствий уже невозможна: поставлена окончательная точка. Однако в последние же годы вышли издания, авторы которых (Кононков, 2014; Животовский,

2016; и др.) стали на позиции защитников академика Т.Д. Лысенко¹. Это вызвало резкую ответную реакцию со стороны отечественных и зарубежных историков науки, вновь обратившихся к анализу отдаленного прошлого и обоснованию причин появления публикаций, представляющих антинауку (Колчинский, 2014, 2015, 2017, 2018; Ермолаев, 2015; Колчинский, Шалимов, 2012, 2017; Колчинский, Ермолаев, 2018; Майсуриян, 2018; Резник, 2017; Филипчук, Тимкова, 2017; Kolchinsky, 2017; Kolchinsky et al., 2017; Borinskaya et al., 2019; Graham, 2016; и др.)². Предпринята также попытка анализа, что же собой представляли лысенкоисты в социальном плане (Конашев, 2017а, 2017б, 2018).

Э.И. Колчинский предлагает, в частности, различать понятия «лысенкоизм» и «лысенковщина» и под лысенкоизмом понимать совокупность концепций (агробиология, мичуринская генетика советский творческий дарвинизм), представлявших собой смесь агрономических приёмов, догенетических представлений и постулатов разных эволюционных гипотез. Суть же лысенковщины в культе и монополии одного учёного, тогда как его оппоненты подвергались шельмованию. Речь идёт о запрете заниматься исследовательской деятельностью, об увольнениях и арестах учёных, не разделявших позиции Лысенко. Не случайно современные лысенкоисты к характеру подобных последствий предпочитают не обращаться. Судить о нём в государстве, где централизация достигла критической отметки, можно по уже известным публикациям. Но они всё ещё не дают полной картины происходившего в связи с огромным масштабом до сих пор не поддающихся учету потерь для отечественной науки и её кадрового состава (Колчинский, Ермолаев, 2018, с. 102).

Основная часть прежних и появившихся вновь публикаций преимущественно связана с событиями в центре страны и достаточно редко затрагивает её периферию, за исключением обращения к последствиям сессии в отдельных научных учреждениях и вузах (Барабанщиков, Ермолаев, 2011; Гельтман, 2015; Кузнецов, Кузнецова, 2014; Филипчук, Тимкова, 2017). Так что для корректировки масштаба происходившего возникает настоятельная необходимость обратиться к более широкому региональному материалу. В этом отношении определённый интерес вызывает Дальний Восток, в силу своей отдалённости от центра крайне редко привлекающий внимание социальных историков науки.

В годы восхождения и «падения», как его тогда называли, «народного академика» наука в регионе была представлена в основном аграрными учреждениями, созданными преимущественно на рубеже 1920/1930-х гг., а в структуре научных кадров преобладали биологи и учёные-аграрии. После создания ВАСХНИЛ первые три-четыре года ей подчинялись все отраслевые научные учреждения аграрного профиля,

¹ Трофим Денисович Лысенко (1898–1976) — советский агроном и биолог. Основатель и крупнейший представитель псевдонаучного направления в биологии — мичуринской агробиологии, академик АН СССР, академик АН УССР, академик ВАСХНИЛ.

² Первым на книгу Л.А. Животовского резко отреагировал Э.И. Колчинский, разместив свой отзыв на портале Комиссии по борьбе с лженаукой при Президиуме РАН: «Профессор Э.И. Колчинский о книге “Неизвестный Лысенко” (выдержки из переписки с коллегами)» [Электронный ресурс]. URL: <http://klnran.ru/2014/11/kolchinsky-o-knige-neizvestny-lysenko/> (дата обращения: 02.12.2019). Защитники Т.Д. Лысенко после резкого осуждения основной частью отечественных биологов вновь появившейся в открытой печати подобной информации сегодня также предпочитают размещать свой материал преимущественно на сайтах liveJournal, Strana-SSSR, maxpark.

затем (тоже на несколько лет) их переподчинили местным земельным управлениям, с тем чтобы в 1939 г. вновь вернуть Академии³. Это объясняет, почему зарождение конфликта прошло мимо внимания учёных-аграриев отраслевого сектора и биологов академического и вузовского секторов науки на Дальнем Востоке. Кроме того, местные учёные полностью разделяли научные позиции Н.И. Вавилова⁴, авторитет которого ещё более возрос после его поездки на Дальний Восток в 1928 г. Да и конфликт назревал достаточно медленно. Сначала он протекал внутри ВАСХНИЛ и только с освобождением 4 июня 1935 г. Н.И. Вавилова от должности её президента и включением в число академиков Т.Д. Лысенко стал обретать всесоюзный размах.

Работу дальневосточных аграрных учреждений тогда курировал созданный в 1934 г. в Хабаровске отраслевой Институт земледелия и животноводства (ДВНИИЗиЖ). Каждое из десяти таких разбросанных по Дальнему Востоку научных подразделений формировало деятельность в соответствии с собственными целями. С разрастанием конфликта следование устоявшимся принципам научности в определении предметной области помогло старшему поколению дальневосточных учёных выдержать первый натиск лысенкоизма, уже претендовавшего на собственную теорию. Но подрастала научная молодёжь, для которой идеи Лысенко оказались достаточно привлекательными. Вот как вспоминает по прошествии времени о своих впечатлениях будущий академик ВАСХНИЛ, а в 1932–1936 гг. студент сельскохозяйственного техникума в Мичуринске, вскоре присланный в ДВНИИЗиЖ молодой специалист Г.Т. Казьмин⁵:

Я, конечно, был мальчишкой, мало что понимал в этих спорах. Но присутствовал на крупных собраниях, слушал ученых, братьев Завадовских, Карпеченко, Лусса и других. Лысенко я встречал и Презента⁶. Все мои статьи с позиций мичуринского учения. Шла борьба. Выступает Лысенко, генетики, может быть в силу нашей недостаточной грамотности в этих науках (генетика крайне сложная наука) говорили пространно, очень туманно и авторитетом не пользовались. И когда вступал Президент, Лысенко — это убеждало. В Мичуринске была конференция в 1934 г. Лысенко: «Вот мои гены: пища, свет, вода». Сейчас многие путают и не объективно оценивают его работу. В целом культ Сталина, других ученых. Культ в науке — страшная вещь⁷.

И по прошествии времени для учёного было всё не просто, а молодые учёные середины 1930-х не терпели критики со стороны своих старших коллег, отрицая отсутствие у себя опыта и знаний. На Дальнем Востоке отличалась этим Амурская

³ Государственный архив Хабаровского края (далее — ГАХК). Ф. 721. Оп. 1. Д. 134. Л. 13.

⁴ Николай Иванович Вавилов (1887–1943) — генетик, ботаник, селекционер, географ. Президент (1929–1935), вице-президент (1935–1940) ВАСХНИЛ, президент Всесоюзного географического общества (1931–1940), основатель (1920) и бессменный до момента ареста директор Всесоюзного института растениеводства (ВИР).

⁵ Григорий Тихонович Казьмин (1916–2001) — учёный-селекционер в области плодоводства, д. с.-х. н., академик ВАСХНИЛ. В 1961–1991 гг. бессменный директор Дальневосточного НИИ сельского хозяйства.

⁶ Исаак Израилевич Президент (1902–1969) — учёный-биолог, д. б. н., академик ВАСХНИЛ, ближайший соратник Лысенко.

⁷ Архив автора. Запись беседы с академиком ВАСХНИЛ Г.Т. Казьминым (18.04.1991).

опытная сельхозстанция (АОС). Имени Лысенко в спорах пока не упоминалось, но в июне 1935 г. директор станции призвал учесть опыт по яровизации⁸. С автором этот опыт связали в марте 1936 г., т. е. за девять месяцев до IV сессии ВАСХНИЛ, где отечественные генетики впервые вступили в открытую борьбу с Лысенко и его последователями, а те попытались политизировать научный спор (Колчинский, Ермолаев, 2018, с. 90–91; Сойфер, 1993, с. 165–178): на АОС впервые предложили использовать метод академика Лысенко и привлечь к работе хаты-лаборатории⁹.

По мере восхождения Т.Д. Лысенко и утверждения его на занятых позициях ссылки на его опыт на этой станции становились постоянными, в то время как в других отраслевых учреждениях аграрной науки всё оставалось по-прежнему, хотя иногда упоминалось о необходимости обращения к яровизации¹⁰. В самом же ДВНИИЗиЖ единства теоретических и методологических принципов не было. Сказывалась его постоянная реорганизация: учреждение то преобразовывалось в опытную станцию, то вновь ему возвращали статус института. Достаточно обратить внимание на литературу, которую использовали в 1939 г. сотрудники Института, вернувшегося под управление ВАСХНИЛ. При построении докладов по проблемам изучения почв м. н. с. Е.Л. Башкин¹¹ ссылался только на В.Р. Вильямса¹², которого уже ставили в один ряд с Т.Д. Лысенко и И.В. Мичуриным¹³, а м. н. с. А.И. Качияни¹⁴ — на исследования местных учёных¹⁵. Но это были доклады. Научных же отчётов в этот год ни один отдел Института не сдал¹⁶.

Отраслевую аграрную науку на Дальнем Востоке до войны представляли не только ДВНИИЗиЖ и опытные станции. С 1929 г. во Владивостоке существовало Дальневосточное отделение ВИР, основанное Н.И. Вавиловым. Его сотрудники, отобранные Николаем Ивановичем или близкими ему учениками, ориентировались преимущественно на отечественную генетику, сохраняя ей верность и после его ареста (Драгавцев, 1994): имени Т.Д. Лысенко не упоминалось ни в переписке учёных с Н.И. Вавиловым, ни в отчётах Отделения, ни в протоколах его заседаний¹⁷.

Специфика предмета исследований от разгоревшихся до войны агронаучных дискуссий держала в стороне лесоводов созданного в 1939 г. Дальневосточного НИИ лесного хозяйства (ДальНИИЛХ), ихтиологов Тихоокеанского института

⁸ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 134. Л. 8.

⁹ Там же. Д. 7. Л. 23.

¹⁰ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 73. Л. 10 об; Д. 106. Л. 62 об.

¹¹ Евгений Леонидович Башкин (1903 — после 1970) — учёный-почвовед, к. с.-х. н. В 1939–1970 гг. научный сотрудник Дальневосточного НИИ сельского хозяйства.

¹² Василий Робертович Вильямс (1863–1939 — почвовед-агроном. Автор учения о травопольной системе.

¹³ Иван Владимирович Мичурин (1855–1935) — селекционер, автор многих сортов плодово-ягодных культур, д. б. н., академик ВАСХНИЛ.

¹⁴ Аркадий Иванович Качияни (1904–1975) — учёный-почвовед, к. б. н. В 1935–1975 гг. научный сотрудник Дальневосточного НИИ сельского хозяйства.

¹⁵ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 135. Л. 16, 17.

¹⁶ Там же. Л. 55.

¹⁷ Центральный государственный архив научно-технической документации (далее — ЦГАНТД). Ф. 318. Оп. 1. Д. 492. Л. 4–15, 37; Д. 655. Л. 52–53.

рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО), учёных Хабаровского мединститута (ХГМИ). Подобную позицию в те годы заняли и биологи Дальневосточного филиала АН СССР (ДВФАН): в документах с момента его образования в 1932 г. и закрытия в 1939 г. не найдено даже упоминания о разгоревшейся полемике.

Положение изменилось в годы войны. Биологи Горнотаёжной станции АН СССР, сохранившейся после закрытия ДВФАН как единственное академическое учреждение в Приморье, от изучения перешли к выращиванию овощей и ягодно-плодовых культур, опираясь при этом на опыт И.В. Мичурина, что пока не свидетельствовало об их обращении к учению Т.Д. Лысенко. Но в отраслевом секторе аграрной науки в соответствии с указаниями Президента ВАСХНИЛ работа перестраивалась. Сначала она сводилась к увеличению ресурсов семенного картофеля, а затем к использованию рекомендуемых агроприёмов¹⁸. Хотя многого они не добились, имя академика Лысенко и его указания всю войну и начало первых мирных лет уже не сходили со страниц протоколов заседаний учёных советов ДВНИИЗиЖ и подведомственных ему станций¹⁹.

При этом аграрии отраслевого сектора науки могли не замечать, что их собственные теоретические положения никак не связаны с учением академика. Один из примеров: в апреле 1946 г. учёный совет ДВНИИЗиЖ обсуждал методику Е.Л. Башкина, направленную на оздоровление картофеля. Автор не без гордости заявил, что его работа «является продолжением работ академика Лысенко». Но дело было не в методике, а в её теоретическом обосновании, ничего общего с идеями Лысенко не имевшего. Оно интересно тем, что опередило известный «бум» в вирусологии, возникший через полтора года после Августовской сессии и непосредственно продолживший её, и утверждало противоположное тому, что вскоре при горячей поддержке самого академика заняло место теории. А именно: Е.Л. Башкин настаивал на том, что вирусы не являются «живыми существами»²⁰. И, как бы предваряя будущие дискуссии, утверждал, невольно занимая сторону побеждённых: «Микробиологический метод исчерпал себя в вирусологии и завел ее в тупик. Выход из положения указали биохимики»²¹, и достаточно резко возражал своему основному оппоненту, д. с.-х. н. И.Н. Абрамову²² и коллегам, попытавшимся примирить обе точки зрения:

В методике с т. Абрамовым мы не сойдемся. В основе этого лежат более глубокие принципиальные разногласия. Имеется только два решения: или я прав, или правильно то, что сейчас излагается в литературе. <...> Если за вирусом стоят микробы, тогда т. Абрамов прав, но я не вижу правильности точки зрения, что вирусы — живое существо²³.

При этом, отстаивая свои позиции, на учение Лысенко опирались обе стороны.

¹⁸ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 172. Л. 97.

¹⁹ Там же. Д. 245. Л. 24.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Иван Николаевич Абрамов (1884 — после 1960) — микролог, фитопатолог и агроном, д. с.-х. н. В 1930–1950 гг. научный сотрудник Дальневосточного НИИ сельского хозяйства.

²³ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 245. Л. 25.

Но так поступали не все. Чтобы определить круг его явных последователей и получить ответ, носила ли апелляция научный или идеологизированный характер, стоит сравнить позиции учёных на Дальнем Востоке по отношению к новому учению накануне Августовской сессии и после неё. С началом холодной войны все генетические дискуссии быстро перешли в «политическую плоскость». Приняв такой оборот, они уже не прошли мимо внимания дальневосточников, прежде всего найдя отклик в академической среде.

В марте 1948 г. учёные Дальневосточной базы АН СССР (восстановленной во Владивостоке в 1943 г. на базе закрытого ДВФАН) провели сессию «О борьбе за существование в природе между видами и внутри их». Это был ответ на февральскую Всесоюзную научную конференцию по проблемам дарвинизма того же года, прошедшую в МГУ, где генетики, возглавляемые академиком И.И. Шмальгаузенем, убедительно доказали полную несостоятельность идей Лысенко, в чём надеялись убедить и партийных лидеров страны (Сойфер, 1993, с. 383). Стенограмма мартовской сессии из документов ДВ базы исчезла неожиданным для самих учёных образом²⁴. Но содержание выступлений на ней можно восстановить по оценкам, полученным в октябре 1948 г. во время подведения итогов Августовской сессии, проходившего в академическом секторе с участием представителей отраслевых научных учреждений Дальнего Востока, местных партийных органов и передовиков сельского хозяйства.

В марте 1948 г. в защиту учения Т.Д. Лысенко выступили очень немногие учёные Базы. По признанию председателя её Президиума В.С. Слодкевича²⁵, выступления мичуринцев «настолько потонули в общем хоре непродуманной критики, что партийной организации и дирекции Базы пришлось продлить работу сессии на один день, чтобы в специальных выступлениях показать значение работы И.В. Мичурина и Т.Д. Лысенко»²⁶. Суть критических замечаний В.С. Слодкевич в октябре тоже изложил: кто-то, «задавшись весьма неблагоприятной целью оклеветать академика Т.Д. Лысенко, обвинил его ни более, ни менее как в идеализме и пытался обосновать это свое обвинение ссылками на классиков марксизма-ленинизма», кто-то в своём выступлении взял под сомнение целесообразность гнездового посева кок-сагыза, а кто-то привлёк на помощь математику и попытался подвести математическое обоснование под утверждение, что гнездовой посев кок-сагыза не может дать производственного эффекта²⁷. Отметил Слодкевич и колеблющихся, а также назвал причину созыва мартовской сессии, которая состояла в том, что один из авторитетнейших учёных Дальнего Востока Н.Е. Кабанов²⁸ «получил печатные материалы известной конференции шмальгаузенцев и

²⁴ Архив Дальневосточного отделения РАН (далее — А ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 13. Д. 10. Л. 247.

²⁵ Всеволод Сергеевич Слодкевич (1904–1964) — геолог, палеонтолог, д. г.-м. н. В 1947–1950 гг. председатель Президиума Дальневосточной базы / Дальневосточного филиала АН СССР.

²⁶ А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 10. Л. 133.

²⁷ Там же. Л. 132.

²⁸ Николай Евгеньевич Кабанов (1905–1992) — ботаник и лесовод, д. б. н. В 1932–1948 гг. — научный сотрудник Дальневосточной базы / Дальневосточного филиала АН СССР.

<...> убеждал аудиторию в правоте Шмальгаузена»²⁹. В итоге, констатировал Слодкевич, большинство учёных Базы обвинили Лысенко «в извращении науки»³⁰.

Всё изменилось после Августовской сессии. От учёных потребовали чёткой модели поведения (границы между академической, отраслевой и вузовской наукой в стране стирались): решения сессии после их изучения почти одновременно необходимо было одобрить, разоблачив «врагов» на своей территории, а тех — признать свои ошибки; транслировать эти решения внутри и за пределами науки; а главное — следовать им в теории и на практике, подтверждая их неопровержимыми научными успехами. На деле же всё проходило поэтапно. Причём, несмотря на то что процессы, казалось бы, давно должны были обрести характер ритуала, каждый из невольно образовавшихся этапов раскрывал ту или иную их особенность, различаясь в зависимости от сектора науки, в котором они протекали. О том, как проходило знакомство с материалами сессии, а также с трудами Т.Д. Лысенко и И.В. Мичурина, в документах оставлены крайне редкие упоминания. От имени своих коллег итог этому знакомству подвёл зав. сектором растениеводства ДВ базы И.Ф. Беликов³¹: «Мы с большим вниманием следили за работой сессии, прочитали доклад Лысенко. Откровенно говоря, в порядке самокритики, суть доклада нами была не понята»³².

Осваивать же «новое учение», куда включались и труды И.В. Мичурина, торопились далеко не все. «В Краевой опытной станции почти десять лет на витрине лежит основной труд Мичурина — “Итоги 60-летней работы”, никто из работников в руки не брал этой книги», — говорилось на Четвертом пленуме Приморского крайкома ВКП(б) 21 сентября 1948 г.³³ Игнорировали знакомство с решениями Августовской сессии сотрудники ТИНРО, избегали обращения к ним, следуя министерским программам обучения и ориентируясь на уже изданные учебники, преподаватели Хабаровского мединститута³⁴. Тем более не реагировали на происходившее в биологии научные работники технического профиля.

Независимо от степени знакомства с материалами сессии во всех научных учреждениях Дальнего Востока прошли собрания в поддержку её решений, хотя основные доклады выступавших на них были оценены по-разному. На октябрьской сессии ДВ базы АН СССР к сторонникам вейсманистов был отнесён и её руководитель В.С. Слодкевич, несмотря на то что своё выступление полностью подчинил утверждению значимости Августовской сессии «для укрепления мичуринской биологической науки, всей советской культуры и науки в целом» и выявил местных «вейсманистов-морганистов»³⁵. Во Владивостокском пединституте, прослушав пленарный доклад, его ректор заявил: «Доклад я прослушал с удовольствием, но ответы на вопросы мне

²⁹ А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 10. Л. 214.

³⁰ Там же. Л. 147.

³¹ Игнатий Федорович Беликов (1903–1985) — растениевод, биохимик, д. б. н. В 1946–1970 гг. научный сотрудник Дальневосточной базы / Дальневосточного филиала АН СССР, с 1959 г. совмещавший работу в Дальневосточном государственном университете.

³² А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 10. Л. 223.

³³ Государственный архив Приморского края (далее — ГАПК). Ф. П-68. Оп. 6. Д. 88. Л. 27.

³⁴ А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 10. Л. 143, 146, 151; ГАПК. Ф. П-368. Оп. 1. Д. 14. Л. 29; ГАХК. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 612. Л. 359–445.

³⁵ А ДВО РАН. Ф. 1 Оп. 13. Д. 10. Л. 102–132.

не понравились, т. к. некоторые ответы не вполне ценные. А это затрудняет понимание»³⁶. Видимо, материалов сессии он не читал.

Ничего подобного не происходило в отраслевых аграрных учреждениях. Все доклады были прослушаны с пониманием, а одним из итогов обсуждения, состоявшегося 31 августа 1948 г. на Дальневосточной рисовой опытной станции, стало пожелание её сотрудника Б.А. Неунылова³⁷ перенести выводы сессии за пределы биологии:

Творческий подход к позиции диалектического материализма, в свете учения Мичурина-Лысенко-Вильямса необходим даже и в работе такого отдела «небиологического», как Отдел гидротехники. Ведь, меняя влажность на поле, наши гидротехники коренным образом влияют на внешние условия среды, в которой идут почвенные процессы и развивается растение риса³⁸.

Вряд ли это предложение было продиктовано исключительно научными соображениями, поскольку в стенограмме упомянутой октябрьской сессии ДВ Базы АН СССР, где он выступал, текста его доклада не оказалось, хотя он значился в повестке. В продублировавшем стенограмму этой сессии деле № 12-а данного фонда фамилия Неунылова была исправлена на фамилию Белов. Но в архиве нашёлся ещё один экземпляр этого дела, где фамилия Неунылова сохранилась, хотя текста доклада в обоих экземплярах тоже не было³⁹. Он не мог исчезнуть ранее 1964 г., когда академик ВАСХНИЛ Б.А. Неунылов стал председателем Президиума ДВФАН.

Но при обсуждении материалов Августовской сессии были и убеждённые оппоненты генетиков. Вполне искренне говорила ведущий селекционер ДВНИИЗиЖ Е.А. Гамаюнова 7 сентября 1948 г. на заседании учёного совета Института, посвящённого итогам Августовской сессии: «Всем памятно схоластико-механическое учение формальных генетиков еще с вузовской скамьи. Менделе-моргановское учение лишало целеустремленности направленность в работе»⁴⁰. Так категорично мыслила Ефросиния Александровна, не забывая своей давней неудачи. Ещё в 1930-е гг., как и Мичурин на плодовых, Е.А. Гамаюнова пыталась повторить опыты Менделя на сое, но ожидаемых результатов не получила⁴¹.

Поскольку учёные-аграрии отраслевого сектора науки на Дальнем Востоке «отступников от нового учения» в своей среде не нашли, хотя, как уже говорилось, размежевание во взглядах существовало, не было и покаяния. Каявшихся не нашлось и среди учёных Дальневосточной базы ДВФАН, но, опасаясь последствий для себя лично, её вскоре покинул Н.Е. Кабанов. Каявшихся не было, но обвинённых в «антимичуринских настроениях» в ДВФАН долго не забывали, подвергая их критике. В таком положении оказалась руководитель Отдела ботаники и растениеводства

³⁶ ГАПК. Ф. П-392. Оп. 1. Д. 8. Л. 26.

³⁷ Борис Александрович Неунылов (1908–1994) — биолог-рисовод, д. с.-х. н., член-корр. АН СССР, академик ВАСХНИЛ. В 1964–1970 гг. председатель Президиума ДВФАН.

³⁸ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 290. Л. 100.

³⁹ А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 12-а. Первый и второй экземпляр Л. 60.

⁴⁰ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 290. Л. 5.

⁴¹ Архив автора. Запись беседы с бывшим научным сотрудником Дальневосточного НИИ сельского хозяйства С.В. Сущинским от 10.04.1991.

Л.Н. Васильева⁴², 14 декабря 1953 г. получившая упрёк в том, что в Отделе «не произошла перестройка после сессии ВАСХНИЛ»⁴³. Перед коллегами не каялся и обвинённый в морганизме сотрудник Сахалинского филиала АН СССР Б.Н. Васин⁴⁴, но после обвинений в свой адрес он написал письмо министру высшего образования и в Президиум АН СССР с признанием своих ошибок. «Это признание, — объяснял он позже, — было вызвано тем, что я сознавал необходимость полного морально-политического единства всего нашего народа, в том числе и советских научных работников, вокруг Центрального комитета Коммунистической партии»⁴⁵.

Вслед за собраниями от биологов и учёных-аграриев потребовали донесения основных решений сессии до коллег иных областей знания, до студентов и населения. Этому последовали не везде. Ограничились октябрьской сессией в ДВФАН АН СССР, не вернулись к ней в СахФАН. Не было необходимости транслировать её решения в аграрном секторе отраслевой науки. А там, где такая трансляция велась, признавали её недостаточность. 27 октября 1948 г. на открытом собрании парторганизации ВГПИ его директор говорил: «В Пединституте с разъяснением итогов сессии ВАСХНИЛ дело обстоит неблагоприятно. Студенты не знают доклада академика Лысенко. Необходимо сейчас же исправить это положение и помочь»⁴⁶. «Важнейшие материалы сессии ВАСХНИЛ слабо освещены среди сотрудников Института», — отмечал 4 июня 1949 г. на партийном собрании ТИНРО представитель Приморского крайкома ВКП(б) т. Анохин⁴⁷.

На требование пропаганды решений Августовской сессии населению сразу откликнулись в ДВФАН, в ДВНИИЗиЖ, а задержались в ДальНИИЛХе⁴⁸. Но содержание публичных выступлений тоже подверглось партийной критике. На упомянутом Четвёртом пленуме Приморского крайкома ВКП (б) говорилось:

Лекции, которые читались по этому вопросу тт. Беликовым, Клименко, Башкиным и некоторыми другими — это в большинстве своем сухой, поверхностный, далеко не полный и к тому же путаный пересказ того, что говорилось на сессии <...>. Краевой комитет партии запретил чтение этих лекций без просмотра в лекторских группах⁴⁹.

Исправлять положение было некогда: вскоре последовал всплеск борьбы с космополитизмом, и, судя по отчётам, с лекциями на эту тему было покончено и в самой науке, и за её пределами.

Неизменным оставалось требование следовать «новому учению» в теории и на практике. Исполнение декларированного требования курировали не только побе-

⁴² Любовь Николаевна Васильева (1901–1985) — исследователь в области микологии, альгологии, лишенологии и бриологии, д. б. н. В 1944–1985 гг. научный сотрудник ДВ базы / ДВФАН/ДВНЦ АН СССР.

⁴³ ГАПК. Ф. П-1494. Оп. 1. Д. 3. Л. 35.

⁴⁴ Борис Николаевич Васин (1897–1965) — генетик, селекционер-зоотехник. д. б. н. В 1948–1955 гг. научный сотрудник Сахалинского филиала АН СССР.

⁴⁵ Архив Российской академии наук (далее — АРАН). Ф. 188. Оп. 3 (1949). Д. 19. Л. 8.

⁴⁶ ГАПК. Ф. П-392. Оп. 1. Д. 8. Л. 26.

⁴⁷ Там же. Ф. П-368. Оп. 1. Д. 14. Л. 29.

⁴⁸ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 309. Л. 100; Ф. 1679. Оп. 1. Д. 14. Л. 60; Д. 18. Л. 68–71.

⁴⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 88. Л. 26.

дившие лысенкоисты, но и партийные и советские органы, что должно было гарантировать успех. Вот как об этом вспоминала ведущий дальневосточный картофелевод Е.Г. Лебедева⁵⁰:

Это же все было [пауза. — *Прим. авт.*] тоже в приказном порядке [усмехается. — *Прим. авт.*]. Вызвали в райисполком, спрашивали, как проводим, так сказать, идеи Лысенко, упрекали иной раз в том, что с ихней точки зрения, работников сельского хозяйства, — вроде и не так. Ну, не знаю. В общем, мы не особенно над этим задумывались, потому что нам некоторые идеи — яровизация картофеля — нам очень помогли на Севере <...>. Мы бились об эти вопросы. Ведь это же так трудно понять, когда высшая наука тебе что-то говорит. Мы, конечно, бились об эти вопросы⁵¹.

Иными словами, отдавая приказ учёным, местные руководители сельским хозяйством (речь идёт об отделах сельского хозяйства советских органов) сами сомневались в истинности новой теории, а учёные-аграрии, выполняя его, не особенно вдумывались в её суть. Евгения Григорьевна не была одинока. Здесь вновь стоит обратиться к воспоминаниям Г.Т. Казьмина:

У Мичурина есть крылатое выражение: «Мои ученики не должны копировать меня». Но у Мичурина даже без образования многого стоил. И когда Мичурин — уже в мою бытность нас заставляли исследовать корневую систему при помощи генетического метода — создал генетическую лабораторию, которая никогда не меняла своего названия, там велись крупнейшие цитологические исследования, и Лысенко их полностью сохранял. Будем прямо говорить, генетики работают на молекулярном уровне в белых халатах и сейчас. Пока они не привязались к ВАСХНИЛу, они не имели выхода в производство. Другое дело — учреждения, которые работают с целым организмом. И здесь было непонимание целого поколения ученых, в том числе и у Лысенко, глубинных вещей. Мичурин называл законы Менделя «гороховыми», так как они были установлены на горохе. Когда он пытался пересадить на плодовые, уходящие в глубь веков, — чехарда. Никаких закономерностей вскрыто не было. У него уже было и оборудование, и генетики. Лысенко по-настоящему не понимал методов Мичурина. Он на самом деле содействовал распространению мичуринских селекционных методов. Надо сказать, что они оказались высоко плодотворными. <...> Кто работал методами Мичурина, имел успех. Бывало, я его спрашивал: «Какой теорией Вы руководствуетесь?» Он говорил: «Выведу хороший сорт, тогда о теории поговорим. Когда есть хороший метод, любую теорию можно подогнать⁵².

Это взял на вооружение и сам Григорий Тихонович. Думается, что и некоторые его коллеги по ДВНИИЗиЖ. Во всяком случае, на заседаниях учёных советов Института споры теоретического характера на рубеже 1940–1950-х гг. исчезли, а ссылки на идеи Лысенко стали, как уже говорилось, обычными ещё в годы войны.

Позицию учёных Дальневосточной базы АН СССР / ДВФАН в период прохождения Сессии и сразу после неё охарактеризовал И.Ф. Беликов: «У нас на Базе

⁵⁰ Евгения Григорьевна Лебедева (1905–1997) — к. с.-х. н. В 1953–1970-х гг. научный сотрудник Горнотаёжной АН СССР.

⁵¹ Архив автора. Запись беседы с Е.Г. Лебедевой от 12.03.1989.

⁵² Архив автора. Запись беседы с академиком ВАСХНИЛ Г.Т. Казьминым от 18.04.1991.

примерно такая картина — учение Мичурина ботаники и зоологи хотят территориально ограничить сектором растениеводства. <...> Если же ботаников и зоологов не касается или имеет косвенное отношение к ним учение Мичурина, то спрашивается, — на какой же теоретической основе строится их работа?»⁵³ Ответ очевиден: на основе теории генетиков. Но открыто заявлять об этом после Августовской сессии было невозможно, и тогда учёные избрали собственный путь, назвав его «приделыванием мичуринских хвостов»⁵⁴, т. е. оставаясь на своих теоретических позициях, постоянно ссылались и на Мичурина, и на Лысенко. На Сахалинской базе / СахФАН в том, что касалось изменения теоретических позиций в связи с решениями Августовской сессией ВАСХНИЛ, работа растениеводов, по признанию президиума СахФАН, сделанному в 1953 г., пересмотрена так и не была⁵⁵. Более того, с переводом в 1952 г. агротехнической проблематики вместе с людьми во вновь образовавшийся филиал ДВНИИЖиЗ оставшиеся ботаники занялись преимущественно фундаментальными исследованиями, в теоретическом плане мало ориентируясь на то, что называлось «советским дарвинизмом», а в непосредственных исследованиях игнорируя все практические рекомендации Т.Д. Лысенко⁵⁶.

Тем не менее некоторые из сотрудников академического сектора науки на Дальнем Востоке считали необходимым изменить прежние теоретические установки, что давалось им нелегко. В этом в апреле 1949 г. признавался уже упомянутый профессор Б.Н. Васин:

Было бы ошибочно думать, что я, воспитанный на положениях формальной генетики, на идеях морганизма и вейсманизма и после долгой практической работы на основе этой реакционной теории <...>, мог бы сразу изменить свое мышление и полностью избавиться от старого наследства⁵⁷.

О сложности такого пути совершенно искренне на октябрьской сессии ДВ базы АН СССР говорил и к. б. н. Б.П. Колесников⁵⁸:

Несомненно, очень часто возникает необходимость бесстрашно и круто ломать свои представления, возникшие еще со школьной скамьи, подкрепленные научной традицией и авторитетом крупных ученых. К сожалению, страх ломать устаревшие и отжившие научные традиции <...> часто останавливает нас, научных работников, на полпути, заводит нас в тупик половинчатости и примиренчества. Это более опасная болезнь для развития передовой советской науки, чем открытая пропаганда или поддержка положений реакционно-идеалистического мировоззрения⁵⁹.

⁵³ АДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 10. Л. 225.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ АРАН. Ф. 188. Оп. 8 (1953). Д. 260. Л. 25.

⁵⁶ Там же. Оп. 7 (1954). Д. 57. Л. 10–23.

⁵⁷ АРАН. Ф. 188. Оп. (1949). Д. 19. Л. 8.

⁵⁸ Борис Павлович Колесников (1909–1980) — геоботаник и лесовод, д. б. н., член-корр. АН СССР. 1932–1970-е гг. научный сотрудник ДВФАН/ДВНЦ АН СССР.

⁵⁹ АДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 10. Л. 246.

Те же, кто в ДВФАН отстаивал позиции лысенкоизма на мартовской сессии 1948 г., тем более им не изменили. Через несколько месяцев, при обсуждении своей работы на учёном совете Базы 21 мая 1949 г. И.Ф. Беликов заявил: «Я не августовский мичуринец. Я лично знаком с Лысенко, ходил к Вильямсу, и никто меня не собьет с мичуринского пути»⁶⁰. Факт личного знакомства значил много. Тех, кому довелось познакомиться с Т.Д. Лысенко, убеждали внешний облик академика, его манера выступать и вести беседу. Т.Д. Лысенко, безусловно, был харизматической личностью. О его способности влиять на окружающих и на себя самого впоследствии написал В. Сойфер (1993, с. 120). Тем более не избежала «флюидов» Лысенко научная молодёжь, в том числе уже упоминаемая Е.Г. Лебедева. Вот что при нашей беседе зачитала она из письма мужу, написанному под впечатлением первой встречи с академиком: «Боже, какой он худой, обросший, изработанный. Мне его жаль. Говорит тихо, хрипит. Говорит всем на “ты”, по-товарищески»⁶¹.

Однако полностью игнорировать мнения противников защитники Т.Д. Лысенко не могли и, безусловно, пребывали в состоянии некоторой растерянности, упрекая друг друга в непоследовательности: «А между тем, — говорилось на октябрьской Сессии ДВ базы АН СССР 1948 г., — даже лучшие представители мичуринцев, как, например, Колесников, не осознали, что внутривидовая борьба — это понятие, надуманное буржуазными учеными»⁶².

Прямого или косвенного воздействия лысенкоизма по-прежнему избегали сотрудники Дальневосточной (после войны не Отделения) станции ВИР и негласно, как и ряд работников краевых сельскохозяйственных опытных учреждений, продолжали вести свою работу в соответствии с методами формальной генетики; не смогли быстро перестроиться и преподаватели вузов, ориентируясь на учебники и министерские программы.

Так что для местных последователей «мичуринской биологии», или «советского дарвинизма», и партийного руководства освоение теоретических основ «нового учения» всеми научными работниками оставалось желаемой, но полностью не достигнутой целью. Тем не менее, в соответствии с решениями Сессии, научные учреждения взялись за перестройку методической основы работы, потребовавшей организационных перемен. Руководствуясь новыми задачами, в ДВНИИЗиЖ осенью 1948 г. откорректировали содержательную сторону планов. Об этом от имени Института говорилось на совещании работников сельского хозяйства при Хабаровском крайисполкоме 25 октября 1948 г.:

Методика разработки была такова: отдел полеводства, все работники ведущих тем обсудили тематику по селекции, агротехнике и другие вопросы с учетом требований, какие предъявляются сейчас учением Мичурина, Вильямса, Лысенко. Десять дней работали над этой методикой, и только после этого план был представлен директору и были внесены поправки по вопросу агротехники, удобрения почв и т. д.⁶³

⁶⁰ Там же. Л. 43.

⁶¹ Архив автора. Запись беседы с Е.Г. Лебедевой от 12.03.1989.

⁶² А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 10. Л. 213.

⁶³ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 290. Л. 5.

В новые планы учёные включили отсутствовавшие ранее разделы по внедрению, тем самым решая задачу помощи колхозам и совхозам. Но это было лишь формальной акцией, поскольку связь с местным аграрным производством ими никогда не терялась. В качестве новой формы планирования НИР ДВНИИЖиЖ ввёл научно-методические совещания, объединившие учёных-аграриев отраслевого сектора не только Хабаровского края, но и всего Дальнего Востока.

Резко изменить организационную часть работы и скорректировать темы исследований в короткие сроки Институту не удалось, и, обсуждая планы на уже упомянутом совещании, учёные говорили о том, что их «тематика построена таким образом, что не чувствуется перестройки Института в направлении постановлений этой сессии»⁶⁴. Сроки выполнения заданий в планах на 1949-й и последующие годы по-прежнему опускались. В 1949 г., например, Институт не включил в собственные планы пункт по применению травопольной системы в условиях Дальнего Востока, не занялся «разработкой предложений по вопросам организационно-хозяйственного укрепления колхозов» и упустил ещё многое из того, что аграриям вменялось в исполнение после Августовской сессии⁶⁵. Внешне всё это походило бы на тихий саботаж, если бы носило продуманный характер.

Но никто из учёных и не думал сознательно противостоять этим требованиям. Они действительно соглашались с тем, что в их организационной работе на уровне планирования сохраняется масса недостатков, и искренне стремились их преодолеть под нажимом вышестоящих структур, и в первую очередь — ВАСХНИЛ, которая в августе 1952 г. приняла специальное решение о создании единого государственного плана, о порядке представления единой отчётности по проводимым исследованиям для всех научных учреждений аграрного профиля. Той же осенью не был утверждён план Приморской рисовой опытной станции, поскольку в него были включены темы, не входящие в этот общий список⁶⁶. Планы остальных дальневосточных организаций агронаучного профиля этим требованиям соответствовали.

Несколько иначе обстояли дела в ДальНИИЛХ, где планирование научной тематики, а также ведение научной работы и после Августовской сессии оставались уязвимым местом. Предполагалось проработать «предложение Т.Д. Лысенко о введении в междурядья сельскохозяйственных культур для облегчения борьбы с сорняками и повышения экономической эффективности культур», ввести гнездовой посев ясеня маньчжурского, а дуба монгольского — гребневым способом⁶⁷. Но ничего сделано не было, поскольку планирование в Институте оставалось индивидуальным и до 1952 г. не выносилось на обсуждение учёного совета.

В среде немногочисленных естественнонаучных институтов Дальнего Востока, которые были обязаны отреагировать на решения сессии ВАСХНИЛ, оставался и ТИНРО. О внедрении агроприёмов в ихтиологические исследования речи быть не могло, так что перестраивать свою тематику морские биологи, конечно, не стали. Они воспользовались решениями сессии по-своему. Не удовлетворяясь организацией выбора и утверждения плановых тем, носившей в Институте «келейный» характер, в начале 1950-х гг. учёные, ссылаясь на решения сессии ВАСХНИЛ, выдвигали

⁶⁴ Там же. Л. 34.

⁶⁵ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 308. Л. 18.

⁶⁶ Там же. Д. 373. Л. 70–71.

⁶⁷ Там же. Ф. 1679. Оп. 1. Д. 19. Л. 117 об.—119 об.

нули администрации свои предложения. Главным требованием было участие всего коллектива в обсуждении проблематики Института и принятии планов. Изменение планов, что называется, «на марше», говорили учёные, нарушало следование выбранным и обсуждённым на учёных советах Института методикам исследования и вынуждало выбирать их поспешно⁶⁸. Так или иначе, учёные добились того, что к середине 1950-х гг. планирование тем в ТИНРО стало действительной частью их собственной организационной деятельности, хотя окончательные решения принимались по-прежнему администрацией.

Свои организационные изменения в научной деятельности сессия внесла и в академическую среду Дальнего Востока. Но в каждом из трёх научных учреждений это проходило по-своему. На Камчатской вулканологической станции АН СССР стационарный коллектив ещё только формировался. Получившие начало ботанические исследования на Сахалине были объединены идеей обеспечения потребностей жителей острова в продуктах растениеводства и плодово-ягодной продукции. В соответствии с этим разрабатывались планы и начались исследования.

Учёные же Дальневосточного филиала посчитали возможным начать с изменения общего плана, в который включились разделы по внедрению результатов в производство, по подготовке научных кадров, издательской деятельности и научным командировкам⁶⁹. Кроме того, план научно-исследовательской деятельности и отчёт по ней с конца 1940-х гг. стали регулярно обсуждаться на заседаниях партийной организации филиала. Тематическая наполненность его общего плана при этом осталась неизменной.

Исключение составил Сектор растениеводства: в нём после Августовской сессии пересмотрели предметную сферу исследований, но только в плане сокращения тем, поскольку существовавшая свобода в их выборе действительно привела к неоправданному многообразию. Сокращая тематику, действовать с позиций мичуринской биологии у учёных не получилось. При отчёте в 1949 г. В.С. Слодкевич на это реагировал резкой критикой, поскольку ряд тем так и не был доведён до конца, а выводы страдали, как констатировали сами учёные, «теоретической неуверенностью». Такую неуверенность ботаники попытались преодолеть, организовав в 1949 г. под руководством А.И. Куренцова⁷⁰ Мичуринский семинар. Но его работа ограничилась всего лишь двумя заседаниями, доклады на которых частично повторялись, а в 1951 г. семинар прекратил своё существование⁷¹.

Критика же Слодкевичем невыполнения планов относилась к Сектору растениеводства и Горно-таёжной станции ДВФАН⁷². Реакция их руководителей И.Ф. Беликова и Т.П. Самойлова⁷³ приняла крайние формы, так велико было напряжение обоих. Оба вскоре отказались от занимаемой должности. А Т.П. Самойлов,

⁶⁸ ГАПК. Ф. П-368. Оп. 1. Д. 14. Л. 31.

⁶⁹ А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 13. Л. 364.

⁷⁰ Алексей Иванович Куренцов (1896–1975) — биолог, энтомолог и биогеограф, основатель дальневосточной школы энтомологов, д. б. н. В 1933–1975 гг. научный сотрудник ДВФАН/ДВНЦ АН СССР.

⁷¹ А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 156. Л. 152; Д. 157. Л. 15; Д. 158. Л. 272.

⁷² Там же. Д. 150. Л. 22–23.

⁷³ Тит Петрович Самойлов (1906–1979) — ботаник, к. с.-х. н. В 1945–1967 гг. директор Горнотаёжной станции АН СССР.

считая, что он «дискредитирован как научный работник», потребовал своего увольнения⁷⁴.

Новый же заведующий Сектором растениеводства, отчитываясь о его работе 24 мая 1951 г., говорил: «Сессия ВАСХНИЛ — поворотная веха. На основе мичуринских положений я и старался перестроить работу отдела. Примеры: работа по переделке природы озимых в яровые. Побелка — яркое проявление мичуринского подхода»⁷⁵.

Примеры, конечно, очень убедительные. Но главное, они подтверждали, что в ДВФАН всё-таки шли на «уступки»: поскольку лысенкоизм отступал слишком медленно, ботаники филиала не всегда успевали отследить, что некоторые позиции им были сданы. Защищаясь от возможных нападок доступными средствами, они и в 1953–1954 гг. пытались предостеречь местных аграриев против недооценки травопольных оборотов, в то время как уже было громко заявлено о необходимости преодоления механического учения академика В.Р. Вильямса⁷⁶. Но с 1952 г. ссылки на Мичурину и Лысенко постепенно исчезали из их публикаций и не упоминались на заседаниях учёного совета. В них отпадала необходимость, особенно если работа завершалась успехом, о чём будет сказано ниже.

Вузовская наука на Дальнем Востоке тоже по-разному отреагировала на решения сессии ВАСХНИЛ. Читая курсы с прежней ориентацией на вышедшие учебники, преподаватели тоже обратились к формированию общеинститутской тематики исследований. Наиболее уязвимыми в этом оказались молодые пединституты, где научная работа только разворачивалась и планирование общетематической направленности исследований отсутствовало. Выбор же индивидуальных тем (как правило, диссертационных) отличался случайностью и был достаточно свободным, поскольку возрождаемая наука в вузах ещё не подпала под строгий внешний контроль, который испытывали учёные академического и отраслевого секторов. Сама же тематика была весьма далека от практических нужд региона. К общеинститутскому планированию в педагогических вузах Дальнего Востока (Благовещенском, Владивостокском и Хабаровском) обратились лишь в 1954 г. Тогда же был проведён и первый отчёт по НИР за 1953 г. Основная цель такого планирования — избежать нареканий министерства, приблизив тематику исследований к проблемам региона, и привлечь к научной работе значительно большее число преподавателей⁷⁷.

Подобного не нужно было делать учёным Хабаровского медицинского института: организованная и до сессии работа по выбору научной тематики, связанной с дальневосточной спецификой, в конце 1940-х гг. позволила придать планированию исследований комплексный характер. Это и стало откликом на государственное требование, явившееся следствием решений Августовской сессии ВАСХНИЛ преодолеть многотемье, мелкотемье и параллелизм. Но добились этого учёные далеко не сразу. Выступая в прениях по докладу о выполнении НИР в 1948 г., профессор Г.Н. Сорохтин⁷⁸, начав с пространной цитаты из работы И.В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», продолжал:

⁷⁴ А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 10. Л. 355–356.

⁷⁵ Там же. Д. 16. Л. 30–31.

⁷⁶ Там же. Д. 20. Л. 6.

⁷⁷ ГАПК. Ф. 175. Д. 8. Л. 49–50; Д. 10. Л. 113; ГАХК. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 26. Л. 28.

⁷⁸ Григорий Николаевич Сорохтин (1894–1972) — нейрофизиолог, д. м. н. В 1941–1961 гг. работал в Хабаровском медицинском институте.

Я считаю, что методика построения плана НИР в Институте до сих пор не найдена. Такой план утверждался, будучи увязанным между кафедрами. Это было неплохо — получалась какая-то комплексность работ. Теперь это все изменилось. У нас нет определенного представления, чем живет и над чем работает каждая кафедра. Не вырисовывается определенное направление Института. Планировать комплексность и сплоченность — вот что должно стать девизом нашей НИР⁷⁹.

Мнение профессора поддержали и другие, хотя проф. А.М. Дыхно⁸⁰ посчитал, что «нельзя очернять всю работу Института, проведенную в 1948 году»⁸¹. В результате ХГМИ в 1949 г. создал планоно-научную комиссию (ПНК), которая была призвана координировать исследования всего института. Суть планирования оставалась неизменной: исследовательские темы определялись практической деятельностью преподавателей, особенно профессуры, как правило, одновременно руководившей работой соответствующих отделений в клиниках Хабаровска. Отсюда актуальность тем, не вызывавшая возражений у высшего руководства.

Выбор тематики в науке на Дальнем Востоке, выполнявшей решения Августовской сессии ВАСХНИЛ, вышедшие на уровень государственной политики в области науки, в середине 1950-х гг. действительно обрёл организационные формы, представленные планированием разного уровня. Индивидуальный уровень оставался в ведении самих исполнителей, сохраняя их в качестве участников данного организационного процесса, а выбору тематики придавая характер творчества. Планирование в рамках всего научного учреждения или его структурных подразделений курировалось вышестоящими структурами: головными институтами, Академией наук СССР или министерствами и ведомствами.

Отличительной чертой составления планов в вузах и нескольких НИИ после Августовской сессии стало стремление реализовать давно назревшую у самих учёных-дальневосточников идею комплексного характера исследований и за счёт этого преодолеть мелкотемье и многотемье. Но попытка в целом не достигла результата, поскольку многотемье было порождено стремлением учёных преодолеть слабую изученность Дальнего Востока. Но она, следует подчеркнуть, исключила при планировании тематики параллелизм, тоже вменявшийся в вину отечественной науке. Слабой изученностью региона объяснялось и сохранявшееся мелкотемье, поддерживаемое, кроме этого, не слишком высоким уровнем квалификации научных работников и достаточно ограниченными материально-техническими возможностями науки в регионе. То и другое не мешало планированию, но тормозило исполнение. В не меньшей мере исполнению намеченного мешал ряд иных причин, в числе которых было следование теоретико-методологическим требованиям самой сессии.

Последнее, прежде всего, сказалось на результатах исследовательской деятельности в ДВФАН. Два последовавших за Августовской сессией года для ботаников филиала были самыми трудными и, как они ни изошрялись в приделывании «мичуринских хвостов», как ни пытались сознательно идти вслед на «новой» биологией, оказались безрезультативными. Не удивительно, что за 1950–1951 гг. у них не ока-

⁷⁹ ГАХК. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 658. Л. 16.

⁸⁰ Александр Михайлович Дыхно (1911–1957) — хирург, д. м. н. В 1944–1948 гг. — директор Хабаровского медицинского института. 1948–1949 гг. профессор того же института.

⁸¹ ГАХК. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 658. Л. 16.

зались ни одной публикации, а намеченные планы в целом оставались незавершёнными⁸².

Но для ряда исследователей эти годы не прошли даром. «Теоретическая неуверенность» и последовавшая критика подсказали им путь к биохимическим исследованиям, которые привели к успеху. К таким работам в первую очередь следует отнести изучение биологии женьшеня на Горно-таежной станции ДВФАН, объединившей под руководством Г.Э. Куренцовой⁸³ биологов и химиков. Начатая в конце 1940-х гг., в 1951 г. данная тема, ещё далекая от завершения, стала одной из немногих, выполняемых в ДВФАН по заданию Совета министров СССР, принявшего 30 октября 1951 г. постановление «О создании промышленных плантаций ценного лекарственного растения женьшень»⁸⁴. Вскоре успех пришёл к И.Ф. Беликову, который после полученной критики занялся биохимией сои и разработкой на этой основе новых методов получения высоких урожаев. Применяв его методы возделывания сои, совхозы Приморья осенью 1952 г. получили рекордные в рамках СССР урожаи — 36,2 ц/га⁸⁵.

Со всей очевидностью, Игнатий Фёдорович не испытывал необходимости соотносить свою работу с «новым учением», что в ДВФАН не прошло незамеченным. В 1954 г. Б.П. Колесников, как «истинный мичуринец», обвинил И.Ф. в том, что в своих опытах он не обращался к учению о стадийности развития растений и не получал ответа, соотносимого с указаниями Т.Д. Лысенко⁸⁶. На это сам И.Ф. Беликов никак не ответил: стадийность его исследованиями не подтверждалась, а сам он уже считал себя биохимиком. Тогда на выпад Б.Н. Колесникова резко среагировал ярый противник лысенкоизма В.А. Розенберг⁸⁷, утверждая, что все упоминания о стадийном развитии «теоретически не обоснованы»⁸⁸.

Возникший спор доказывал, что с лысенкоизмом ещё не было покончено окончательно. Медленно сдаваясь, он атаковал не только генетику. В ряд отвергаемых попали цитология и, как уже упоминалось, вирусология. Именно тогда, когда исследования в рамках этих направлений стали повсеместно сворачиваться, т. е. в начале 1950-х гг., учёные ДВФАН приступили к работе в области вирусологии. Формулируя тему как повышение урожайности картофеля, что помогло избежать нападков «мичуринцев», руководивший работами В.Г. Рейфман⁸⁹ с коллегами занялся разработкой условий его выращивания на безвирусной основе, и вскоре его стали оберегать поразительные результаты, дававшие о себе знать через два-три года.

⁸² 60 лет академической науке на Дальнем Востоке. 1932–1991 гг. Библиографический указатель. Ч. 1–3. Владивосток: Дальнаука, 1993.

⁸³ Галина Эразмовна Куренцова (1909–1989) — ботаник, д. б. н. В 1933–1980 гг. научный сотрудник ДВФАН/ДВНЦ АН СССР.

⁸⁴ А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 158. Л. 272–273.

⁸⁵ Там же. Д. 160. Л. 120.

⁸⁶ А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 22. Л. 33–34.

⁸⁷ Всеволод Александрович Розенберг (1917–2001) — ботаник-лесовод, к. б. н. В 1946–1990 гг. научный сотрудник ДВФАН/ДВНЦ АН СССР / ДВО РАН.

⁸⁸ А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 22. Л. 34–35.

⁸⁹ Владимир Григорьевич Рейфман (1917–1996) — учёный-вирусолог, к. с.-х. н. В 1953–1970 гг. научный сотрудник Горнотаёжной станции АН СССР.

Вот фрагмент воспоминаний Е.Г. Лебедевой, с 1953 г. многолетней соратницы В.Г. Рейфмана:

В 1953 году я поступила на работу сюда, и вот мы, вперед-то [т. е. раньше. — *Прим. авт.*] идя по стопам Лысенко, мы все предполагали влияние экологических условий: что там температурные, может быть, условия, может быть, другое, потому что очень трудно представить себе. И вот благодаря этому мы поставили опыты под руководством тогда Рейфмана <...>. В долине картошку посадили, на северном склоне и на южном склоне. Поставили там термометры, поставили там определять силу ветра, влажность и сопоставляли. Наблюдения, вегетативные опыты, смотрели, что и как. И мы пришли к выводу, что да, на северном склоне картофель более здоровый, чем на южном, в долине — гораздо лучше. Но трудно только за счет экологических условий сказать, потому что не те изменения. Потом мы уже пришли к выводу, что экологические условия значение имеют несомненно, но имеют влияние не непосредственно на картофель, а на условия для какого-то заболевания. То есть на северном склоне совсем неплохо, на южном тоже по существу неплохо, а вот почему он хуже гораздо себя чувствует на южном склоне? Вот почему? По-видимому, какая-то инфекция⁹⁰.

Так они вышли на проблему вируса, не встречая препятствий ни со стороны учёных, ни со стороны местного партийного аппарата. Уже заложив другие опыты на делянках ГТС, они принимали, как выразилась Е.Г. Лебедева, не назвав по имени, «секретаршу ВАСХНИЛ». Это было во второй половине 1950-х гг.

Когда мы ее повели по полям и показывали, что вот это вирусная, а это — безвирусная, это пятое, а это десятое, она говорит: «Вы что? Как вы этим делом занимаетесь? Ведь у нас в ВАСХНИЛе это криминальный вопрос. Лысенко не признает никаких вирусов на картофеле, а вы прямо так этим занимаетесь»⁹¹.

В.Г. Рейфман и его коллеги давали себе отчёт в том, что чуть ли ни первыми в стране коснулись данной проблемы, ибо, по словам Е.Г. Лебедевой, в те годы подобными вопросами занимались лишь в Куйбышевском сельскохозяйственном институте. Тем не менее В.Г. Рейфман в середине 1950-х гг. о проделанной работе отчитывался примерно так: «установлены приемы агротехники картофеля на юге Дальнего Востока, обеспечивающие получение высоких урожаев клубней картофеля, не пораженных болезнью “железистая пятнистость”»⁹².

Так обстояли дела с результатами исследовательской деятельности у биологов академического сектора науки на Дальнем Востоке. Иначе складывалось в отраслевом её секторе. В срок до отданного в 1952 г. распоряжения Министерства сельского хозяйства России снимать темы, по которым в течение 4–5 лет нет результатов, а их руководителей направлять на производство, в ДВНИИЗиЖ не было закончено ни одной из запланированных в 1948 г. тем. Отчёты же за 1949–1952 гг. состояли из перечня выведенных ранее сортов растений без отсылки к теории и методам посадки и выращивания⁹³. Но в институте, начиная с 1930-х гг., под ру-

⁹⁰ Архив автора. Запись беседы с Е.Г. Лебедевой. 12.03.1989.

⁹¹ Архив автора. Запись беседы с Е.Г. Лебедевой. 12.03.1989.

⁹² А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 160. Л. 116.

⁹³ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 330. Л. 103, 125–128, 132; Д. 373. Л. 75.

ководством Ф.И. Платонова⁹⁴ велось изучение трав как собственно ботаническая тема. Как и полагалось, она носила сугубо прикладной характер и была подчинена проблемам развития животноводства и повышения урожайности зерновых и овощей. Исследования опирались на травопольную систему акад. В.Р. Вильямса и подчинялись идее развития полевого травосеяния⁹⁵. Война с уходом на фронт Ф.И. Платонова несколько свернула эту работу, но не остановила её полностью: в середине 1940-х гг. сотрудники института выявили лучшие кормовые травы Дальнего Востока⁹⁶. По окончании войны проблема создания кормовой базы и улучшения лугов и пастбищ придала новый импульс изучению трав в ДВНИИЗиЖ. Однако о каких бы то ни было серьёзных успехах в развитии этого направления с конца 1940-х гг. в институте не говорилось. Их просто не было, поскольку работа велась с ориентацией на решения августовской сессии ВАСХНИЛ. Исключение составило опытное поле самого Ф.И. Платонова: засеянное многолетними травами, оно было не просто успешным итогом предшествующей многолетней работы, а оставалось основой будущих исследований и экспериментов учёного. Но, выполняя решения февральско-мартовского пленума КПСС 1954 г., директор института А.Г. Новак⁹⁷ отдал распоряжение запахать все опытные поля, где были высажены травы, в том числе и это опытное поле. Когда же туда прибыли трактора, Ф.И. Платонов бросился в борозду, защищая свои посевы, и тем самым спас их⁹⁸. Уже после Всесоюзного совещания работников сельскохозяйственной науки 1956 г. сам он признавался: «За последние годы в опытных учреждениях часто нарушалась методика опытного дела. В результате из опытов нельзя было делать достаточные выводы»⁹⁹. Безусловно, он имел в виду методы, насаждаемые Лысенко.

Основные результаты учёных ДальНИИЛХ пришлись на 1960-е гг., а пока планы, принятые после Августовской сессии, тоже выполнены не были, поскольку оказались не связаны ни с проблемами лесной науки, ни с потребностями лесной промышленности края. Выполнению мешало и отсутствие необходимых кадров, которые в 1950 г. были сокращены на 24%¹⁰⁰. Кроме того, продолжало сказываться и двойственное отношение к решениям сессии, за которым стояла скрытая ориентация на позицию ведущего лесовода страны, директора Института леса АН СССР В.Н. Сукачёва¹⁰¹, открыто не признававшего учения Т.Д. Лысенко (Зонин, 1996; Голуб, 2017).

Не лучше с завершением намеченного обстояло и в вузовской науке. В Хабаровском пединституте можно назвать лишь одну законченную до середины 1950-х гг. тему: «Растительность Шантарских островов»; в Благовещенском педин-

⁹⁴ Федор Иванович Платонов (1904 — после 1970) — учёный-агроном, к. с.-х. н. В 1938—1970 гг. научный сотрудник Дальневосточного НИИ сельского хозяйства.

⁹⁵ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 34. Л. 27 об.

⁹⁶ Там же. Д. 201. Л. 137.

⁹⁷ Александр Григорьевич Новак (1904—1971) — специалист в области земледелия, д. с.-х. н. В 1948—1959 гг. директор Дальневосточного НИИ сельского хозяйства.

⁹⁸ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 427. Л. 126.

⁹⁹ Там же. Д. 473. Л. 3.

¹⁰⁰ Там же. Ф. 1679. Д. 24. Л. 20.

¹⁰¹ Владимир Николаевич Сукачёв (1880—1967) — геоботаник, лесовод, эколог, академик АН СССР.

ституте к этому времени — ни одной, как и во Владивостокском, где в послевоенные годы не было собственных кадров биологов, а занятия вели совместители из ДВФАН¹⁰².

В целом же Августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. в агробиологии Дальнего Востока дала неоднозначные результаты. Непосредственная борьба с вейсманизмом-морганизмом напоминала то, что А.А. Ахматова¹⁰³ назвала «боем бабочек»: т. е. была вполне безликой и бескровной, не переходившей в «лысенковщину». Это несколько не подтверждает выводов современных лысенкоистов, а доказывает вполне утвердившееся в социальных науках положение, согласно которому ни один институт не в состоянии полностью охватить и подчинить социальное пространство (Диманс, Левичева, 2018). Подобное протекание институционализации в условиях Дальнего Востока позволило достаточно успешно преодолеть то, что в настоящее время называется лысенкоизмом, и развить ряд новых направлений вопреки ему.

К этим условиям принадлежит ряд факторов внешнего и внутреннего характера. К первому отнесём отдаленность от центра и невысокий образовательный уровень местных партийных кадров: то и другое ослабляло воздействие партийно-идеологического диктата. Ко вторым — то, что называлось «кадровым голодом» в науке региона, не позволившим принять какие бы то ни было радикальные меры к «отступникам», и, безусловно, недостаточно высокий уровень профессиональной подготовки части самих научных работников, тормозивший в регионе процесс дальнейшего огосударствления отечественной науки.

Литература

Александров В.Я. Трудные годы советской биологии: записки современника. СПб.: Наука, 1993. 262 с.

Барабанищikov Б.И., Ермолаев А.И. Казанский университет в период лысенковщины // Историко-биологические исследования. 2011. № 2. С. 54–65.

Гельтман Д.В. Ботанический институт им. В.Л. Комарова и Всесоюзное ботаническое общество в борьбе за научную биологию в СССР // История ботаники в России. Сб. статей участников междунауч. конф. / Под ред. Д.В. Гельтмана. Т. 1. Тольятти: Кассандра, 2015. С. 108–115.

Голуб В.Б. Утраченная в СССР концепция «подвижного равновесия» // Историко-биологические исследования. 2017. Т. 9. № 1. С. 40–67.

Диманс С.Л., Левичева В.Ф. Люди и нормы: институты и неформальные практики. М.: Ключ-С, 2018. 304 с.

Драгавицев В.А. (Ред.) Соратники Николая Ивановича Вавилова. Исследователи генофонда растений ВИРа. СПб.: ВИР, 1994. 615 с.

Ермолаев А.И. Кривое зеркало, или Как не удалась попытка написать портрет Т.Д. Лысенко // Политическая концептология. 2015. № 1. С. 264–271.

Ермолаев А.И. Вавиловские чтения и Вавиловский семинар как арена борьбы с неолысенкоизмом // Историко-биологические исследования. 2016. № 1. С. 148–155.

Животовский Л.А. Неизвестный Лысенко. 2-е изд. М.: КМК, 2016. 118 с.

¹⁰² ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 7373, 7551; Оп. 73. Д. 506; Оп. 76. Д. 1456; ГАПК. Ф. П-392. Оп. 1. Д. 8. Л. 26; ГАХК. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 13. Л. 16.

¹⁰³ Анна Андреевна Ахматова (1889–1966) — русский поэт.

Зонин С.В. Владимир Николаевич Сукачёв // Творцы отечественной науки: географы. М.: Агар, 1996. С. 398–410.

Колчинский Э.И. Профессор Э.И. Колчинский о книге «Неизвестный Лысенко» (выдержки из переписки с коллегами). Комиссия по борьбе с лженаукой при Президиуме РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://klnran.ru/2014/11/kolchinsky-o-knige-neizvestny-lysenko/> (дата обращения: 23.12.2019).

Колчинский Э.И. Н.И. Вавилова распинаяют вновь // Политическая концептология. 2015. № 1. С. 372–376.

Колчинский Э.И. «В бой идут одни старики», или О перспективах возрождения лысенкоизма в России // Вопросы истории естествознания и техники. 2017. № 2. С. 365–384.

Колчинский Э.И. Н.И. Вавилов и Т.Д. Лысенко в пространстве историко-научных дискуссий // Природа. 2018. № 1. С. 3–14.

Колчинский Э.И., Ермолаев А.И. Разгромный август 1948 года: Как власть боролась с биологией // Политическая концептология. 2018. № 3. С. 89–112.

Колчинский Э.И., Шалимов С.В. «Шестой континент» Н.И. Вавилова // Вопросы истории естествознания и техники. 2012. № 4. С. 16–50.

Колчинский Э.И., Шалимов С.В. «Оттепель» и генетика: из истории публикации первого отечественного учебника по генетике // Российская история. 2017. № 4. С. 75–83.

Конашев М.Б. Лысенкоизм как «белое пятно» в «социальной истории науки». Ч. 1. В зеркале критики // Социология науки и технологий. 2017а. Т. 8. № 2. С. 21–31.

Конашев М.Б. Лысенкоизм как «белое пятно» в «социальной истории науки». Ч. 2. В зеркале собственной периодики // Социология науки и технологий. 2017б. Т. 8. № 3. С. 18–30.

Конашев М.Б. Лысенкоизм как «белое пятно» в «социальной истории науки». Ч. 3. В зеркале энциклопедий и справочников // Социология науки и технологий. 2018. Т. 9. № 2. С. 23–37.

Конюков П.Ф. Два мира — две идеологии. О положении в биологических и сельскохозяйственных науках в России. М.: Луч, 2014. 288 с.

Кузнецов В.Н., Кузнецова М.Н. Борьба с генетиками после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. в Ульяновском сельхозинституте // Любимцевские чтения — 2014. Современные проблемы эволюции и экологии. Сб. мат-лов межд. конф. Ульяновск: Ульяновский гос. пед. университет, 2014. С. 38–42.

Майсурян А. 70 лет назад. Об одной загадке августовской сессии ВАСХНИЛ — 1948 [Электронный ресурс]. URL: <https://maysuryan/liveJournal.com/691972.html> . (дата обращения: 10.01.2019).

Медведев Ж.И. Взлёт и падение Т.Д. Лысенко. М.: Книга, 1993. 348 с.

Поповский М. Дело академика Вавилова. М.: Книга, 1991. 303 с.

Резник С.Е. Эта короткая жизнь: Николай Вавилов и его время. М.: Захаров, 2017. 1056 с.

Сойфер В.Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М.: Лазурь, 1993. 706 с.

Филипчук И.В., Тимкова С.В. Августовская сессия ВАСХНИЛ (1948 г.) и расправа над генетикой в Горьковской области // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Сб. статей участников XIV научно-практ. конф. Вып. XIII. / Отв. ред. В.И. Грубов. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. С. 179–184.

Borinskaya S.A., Ermolaev A.I., Kolchinsky E.I. Lysenkoism against Genetics: the Meeting of the Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences of August 1948, its Background, Causes, and Aftermath // Genetics. 2019. Vol. 212. No 1. P. 1–12.

Graham L. Lysenko's Chost. Epigenetics and Russia. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 2016.

Joravsky D. The Lysenko Affair. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1970. XIII. 459 p.

Kolchinsky E.I. Nikolai Vavilov in the years of Stalin's 'revolution from above' (1929–1932) // Centaurus. 2014. Vol. 56. No 4. P. 330–358.

Kolchinsky E.I. Current Attempts at Exonerating 'Lysenkoism' and Their Causes // The Lysenko Controversy as a Global Phenomenon. Vol. 2. Genetics and Agriculture in the Soviet Union and

Beyond. / Eds. W. DeJong Lambert, N.L. Krementsov. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. P. 207–236.

Kolchinsky E.I., Kutschera U., Hossfeld U., Levi G.S. Russia's New Lysenkoism // *Current Biology*. 2017. Vol. 27. No 19. P. R1042–R1047.

Krementsov N. *Stalinist Science*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1997. 368 p.

Medvedev Zh.A. *The Rise and Fall of T.D. Lysenko*. New York; Columbia Univ. Press. 1969. 284 p.

The consequences of the August Session of VASKhNIL (Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences) for agrobiolgy in the Russian Far East

ELENA V. VASILEVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; evasileva12@yandex.ru

This paper looks into the impact of the August 1948 VASKhNIL Session on agrobiolgy in the Russian Far East. The first part of the paper provides an overview of the historical context in which the network of scientific institutions developed, including the organisations within the systems of industry- and sector-related science, fundamental academic science (within the framework of the Academy of Sciences), and university research. This context determined the structure of scientific personnel in the region as well as their perception of Lysenkoism that was being forcibly implanted. The reasons behind the need for the scientists-representatives of the agrarian sector-related science to adopt T.D. Lysenko's ideas shortly before the August Session, the cautious attitude towards these ideas among the Academy's scientists, and the university scientists' disregard of Lysenko's ideas are substantiated. The paper also describes the processes related to the implementation of the Session's resolutions (theoretical assimilation, dissemination, and practical implementation) within the framework of fundamental academic science, industry and sector-related science, and university science in the Far East, as well as the distinctive features of these processes in each area of science in this region that determined a fairly rapid overcoming of Lysenkoism.

Keywords: agrobiolgy, genetics, ideologisation, Michurin biology, Lysenkoism, scientific activities, scientific policy.

References

Alexandrov V.Ia. (1993). *Trudnye gody sovetskoi biologii: zapiski sovremennika* [The difficult years of Soviet biology: the memoirs of a contemporary], St. Petersburg: Nauka.

Barabanshchikov B.I., Ermolaev A.I. (2011). Kazanskii universitet v period lysenkovshchiny [Kazan University during Lysenkoism Period], *Istoriko-biologicheskie issledovaniia*, 3 (2), 54–65.

Borinskaya S.A., Ermolaev A.I., Kolchinsky E.I. (2019). Lysenkoism against Genetics: the Meeting of the Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences of August 1948, its Background, Causes, and Aftermath, *Genetics*, 212 (1), 1–12.

Geltman D.I. (2015). Botanicheskii institut im. V.L. Komarova i Vsesoiuznoe botanicheskoe obshchestvo v bor'be za nauchnuiu bololgiuu v SSSR [V.L. Komarov Botanical Institute and the

Russian Botanical Society: a struggle for scientific biology in the USSR]. In D.I. Geltman (Ed.), *Istoria botaniki v Rossii: k 100-letnemu iubileiu RBO* [The history of botany in Russia towards the centenary of the Russian Botanical Society], (Vol. 1, pp. 108–115). Tol'iatki: Kassandra.

Golub V.B. (2017). Utrachenaiia v SSSR kontseptsia "organicheskogo ravnovesia" [The concept of "organic balance" that was lost in the USSR], *Istoriko-biologicheskie issledovaniia*, 9 (1), 40–67.

Graham L. (2016). *Lysenko's Chost. Epigenetics and Russia*, Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.

Dimans S.L., Leicheva V.F. (2018). *L'udi i normy: insitutiy i neformal'nye praktiki* [People and norms: institutions and informal practices], M.: Kliuch-C.

Dragavtsev V.A. (ed.) (1994). *Soratniki Nikolaia Ivanovicha Vavilova. Issledovateli genofonda rastenii VIRa* [Nikolai Ivanovich Vavilov's Associates. Researchers of plant gene pool at VIR], St. Petersburg: VIR.

Ermolaev A.I. (2015). Krivoie zerkalo, ili kak ne udalas' popytka napisat' portret T.D. Lysenko [A crooked mirror, or How an attempt to paint a portrait of T.D. Lysenko failed], *Politicheskaiia kontseptologiiia*, 1, 264–271.

Ermolaev A.I. (2016) *Vavilovskie chtenia i Vavilovskij seminar kak arena bor'bi s neolysenkoizmom* [Vavilovsque Readings and Vavilov Seminar as the Struggle with Contemporary Neo-Lysenkoists], *Istoriko-biologicheskie issledovaniia*, 8 (1), 148–155.

Filipchuk I.V., Timkova S.V. (2017). Avgustovskaia sessiia VASKhNIL (1948 g.) i rasprava nad genetikoi v Gor'kovskoi oblasti [The August session of VASKHNIL (1948) and an onslaught against geneticists in the Gorky Oblast]. In V.I. Grubov (ed.), *Voprosi arkhivovedeniia i isocnikovedeniia v visshai shkole, sb. statei uchastnikov XIV nauchno-pract. konf.* [Archive and source studies in higher education. Collection of papers by participants of the 14th science-to-practice conference], (Vol. XIII, pp. 179–184). Arsamas: Arsamasskii filial NNGU.

Joravsky D. (1970). *The Lysenko Affair*, Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.

Kolchinsky E.I. (2014). Nikolai Vavilov in the years of Stalin's 'revolution from above' (1929–1932), *Centaurus*, 56 (4), 330–358.

Kolchinsky E.I. (2014). Professor E.I. Kolchinsky o knige "Neizvestnyi Lysenko" (vyderzhki iz perepiski s kollegami) [Professor E.I. Kolchinsky about the book "The Unknown Lysenko" (excerpts from correspondence with colleagues)], *Komissiiia po bor'be s lzhenaukoi pri Prezidiume Rossiiskoi akademii nauk*. Retrieved from <http://klnran.ru/2014/11/kolchinsky-o-knige-neizvestny-lysenko>

Kolchinsky E.I. (2015). N.I. Vavilova raspinaut vnov [Vavilov is being crucified again], *Politicheskaiia kontseptologiiia*, 1, 372–376.

Kolchinsky E.I. (2017). "V boi idut odni stariki", ili o perspektivakh vozrozhdeniia lysenkoizma v Rossii ["Only the old timers go to battle" or prospects for the revival of Lysenkoism in Russia], *Voprosy istorii estestvoznania i tekhniki (VIET)*, 2, 365–384.

Kolchinsky E.I. (2017). Current Attempts at Exonerating 'Lysenkoism' and Their Causes. In W. DeJong Lambert, N.L. Kremenstov (eds), *The Lysenko Controversy as a Global Phenomenon. Vol. 2. Genetics and Agriculture in the Soviet Union and Beyond* (pp. 207–236). Cham: Palgrave Macmillan.

Kolchinsky E.I. (2018). N.I. Vavilov i T.D. Lysenko v prostranstve istoriko-nauchnykh diskussii [N.I. Vavilov and T.D. Lysenko in the space of discussion on the history of science], *Pripoda*, 1, 3–14.

Kolchinsky E.I., Ermolaev A.I. (2018). Rasgromnyi avgust 1948 goda: kak vlast' borolas' s biologiei [The deadly August of 1948: how the power was fighting against biology], *Politicheskaiia kontseptologiiia*, 3, 89–112.

Kolchinsky E.I., Kutschera U., Hossfeld U., Levit G.S. (2017). Russia's New Lysenkoism. *Current Biology*, 27 (19), 1042–1047.

Kolchinsky E.I., Shalimov S.V. (2012). "Shestoi kontinent" N.I. Vavilova [N.I. Vavilov's "Sixth continent"], *Voprosy istorii estestvoznania i tekhniki (VIET)*, 4, 16–50.

Kolchinsky E.I., Shalimov S.V. (2017). "Ottepel'" i genetika: iz istorii publikatsii pervogo otechestvennogo uchebnika po genetike [The "Thaw" and genetics: from the history of the publication of the first Russian textbook of genetics], *Rossiiskaia istoriia*, 4, 75–83.

Konashev M.B. (2017a). Lysenkoism kak “beloe piatno” v “social’noi istorii nauki”. Chast’ I. V zerkale kritiki [Lysenkoism as a ‘white spot’ in ‘social history of science’. Part I. In the mirror of critique], *Sotsiologia nauki i tekhnologii*, 8 (2), 21–31.

Konashev M.B. (2017b). Lysenkoism kak “beloe piatno” v “social’noi istorii nauki”. Chast’ II. V zerkale sobstvennoi periodiki [Lysenkoism as a ‘white spot’ in ‘social history of science’. Part II. In the mirror of its own periodicals], *Sotsiologia nauki i tekhnologii*, 8 (3), 18–30.

Konashev M.B. (2018). Lysenkoism kak “beloe piatno” v “sotsial’noi istorii nauki” Chast’ III. V zerkale entsiklopedii i spravochnikov [Lysenkoism as a ‘white spot’ in ‘social history of science’. Part III. In the mirror of encyclopedias and reference books], *Sotsiologia nauki i tekhnologii*, 9 (2), 23–37.

Kononkov P.F. (2014). *Dva mira — dve ideologii. O polozhenii v biologicheskikh i sel’khozhoziaistvennykh naukakh v Rossii* [Two worlds — two ideologies. The situation in the biological and agricultural sciences in Russia], Moscow: Luch.

Kremontsov N. (1997). *Stalinist Science*. Princeton: Princeton University Press.

Kuznetsov V.N., Kuznetsova M.N. (2014). Bor’ba s genetikami posle sessii VASKHNIL 1948 g. v Ul’anovskom sel’hozinstitute [The fight against geneticists after the 1948 Session of VASKHNIL 1948 at the Ulyanovsk Agricultural Institute]. In *Lyubishchevskie chtenia. Sovremennye problemi evoliutsii i ekologii, sb. mat-lov mezhd. konf.* [The Lyubishchev readings. Current problems in evolution and ecology] (pp. 38–42). Ulyanovsk: Ulyanovskii gos. ped. University.

Maisurian A. (2018). *70 let nazad. Ob odnoi zagadke avgustovskoi sessii VASKhNIL 1948* [70 years ago. A riddle of the August 1948 Session of VASKhNIL]. Retrieved from: <https://maysuryan/liveJournal.com/691972.html>

Medvedev Zh.A. (1969). *The Rise and Fall of T.D. Lysenko*, New York: Columbia Univ. Press.

Medvedev Zh.A. (1993). *Vzlet i padenie T.D. Lysenko* [The rise and fall of T.D. Lysenko], Moscow: Kniga.

Popovskii M. (1991). *Delo akademika Vavilova* [The case of Academician Vavilov], Moscow: Kniga.

Reznik S.E. (2017). *Èta korotkaia zhizn’: Nikola Vavilov i ego vremena* [This short life: Nikolai Vavilov and his time], Moscow: Zakharov.

Soyfer V.N. (1993). *Vlast’ i nauka. Istoria razgroma genetiki v SSSR* [Power and science. The history of the defeat of genetics in the USSR], Moscow: Lazur.

Zhivotovskii L.A. (2016). *Neizvestnyi Lysenko* [Unknown Lysenko], 2nd edition, M.: KMK.

Zonin S.V. (1996). *Vladimir Nikolaevich Sukachev* [Vladimir Nikolaevich Sukachev]. In *Tvortsy otechestvennoi nauki: geografy* [Creators of Russian Science: geographers] (pp. 398–410). Moscow: Agar.